

Лао-цзы

**Тао-те кинг, или Писание о
нравственности**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Л23

Л23 **Лао-цзы**
Тао-те кинг, или Писание о нравственности / Лао-цзы – М.: Книга по Требованию, 2023. – 72 с.

ISBN 978-5-519-92454-2

ISBN 978-5-519-92454-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ТАО-ТЕ-КИНГЪ.

ИЛИ ПИСАНІЕ О НРАВСТВЕННОСТИ ЛАО-СИ.

ПЕРВАЯ КНИГА.

I.

Тао, которое должно быть дѣйствительнымъ, не есть обыкновенное Тао.

Имя, которое должно быть дѣйствительнымъ, не есть обыкновенное имя.

То, что не имѣетъ имени—есть начало неба и земли; то, что имѣетъ имя—есть мать всѣхъ вещей.

Вотъ почему свободный отъ всѣхъ страстей видитъ величественное проявленіе Тао, а находящійся подъ вліяніемъ какой-нибудь страсти видитъ только незначительное его проявленіе.

Эти оба происходятъ изъ одного и того же начала, но только носятъ разное названіе.

Они называются непостижимыми.

Непостижимое изъ непостижимыхъ и есть ворота всего таинственнаго.

II.

Подъ небомъ всѣ (люди) знаютъ, что красивое есть красивое, но оно только безобразное.

Точно также всѣ знаютъ, что добро есть добро, но оно только зло.

Изъ бытія и небытія произошло все; изъ невозможнаго и возможнаго—исполненіе; изъ длиннаго и короткаго—форма.

Высокое подчиняетъ себѣ низшее; высшіе голоса вмѣстѣ съ низшими производятъ гармонію; предшествующее подчиняетъ себѣ послѣдующее.

Святой мужъ, будучи бездѣятельнымъ, распространяетъ свое ученіе. Вся тварь повинуется ему и никогда не откажется отъ исполненія его воли.

Онъ производитъ много, но ничего не имѣетъ; дѣлаетъ много, но не хвалится сдѣланнымъ; совершаетъ подвиги, но ихъ не приписываетъ себѣ.

Онъ нигдѣ не останавливается, поэтому ему не будетъ надобности удаляться туда, куда онъ не желаетъ.

III.

Чтобы не было ссоръ въ народѣ, нужно не уважать мудрецовъ.

Чтобы люди не сдѣлались ворами, нужно не придавать никакого значенія трудно добываемымъ (цѣннымъ) предметамъ, потому что когда люди не будутъ имѣть тѣхъ предметовъ, которые бы прельстили ихъ сердца, они никогда не соблазняются ими.

Отсюда, когда святой мужъ управляетъ страной, то сердце его пусто, а тѣло его полно; (онъ) ослабляетъ желанія и укрѣпляетъ (свои) кости.

Онъ старается, чтобы народъ былъ въ невѣжествѣ и безъ страстей.

Также онъ старается, чтобы мудрые не смѣли сдѣлать чего-нибудь.

Когда всѣ сдѣлаются бездѣятельными, то (на землѣ) будетъ полное спокойствіе.

IV.

Тао пусто, но когда его употребляютъ, то, кажется, оно неистоимо.

О, какая глубина! Оно начало всѣхъ вещей.

Оно притупляетъ свое остріе, развязываетъ узлы, смягчаетъ блескъ и, наконецъ, соединяетъ между собою мельчайшія частицы.

О, какъ чисто! Оно существуетъ предвѣчно, но я не знаю, чей оно сынъ и предшествовало ли первому царю.

V.

Небо и земля не суть любвеобильныя существа. Они поступаютъ со всѣми вещами, какъ съ соломенною собакой.

Святой мужъ не любвеобиленъ: онъ поступаетъ съ земледѣльцами, какъ съ соломенной собакой.

Все, находящееся между небомъ и землею, похоже на кузнечный мѣхъ.

Онъ (кузнечный мѣхъ) пусть, но неистощимъ: чѣмъ чаще надувается, тѣмъ больше выпускаетъ воздухъ.

Кто много говоритъ, тотъ часто терпитъ неудачу; потому лучше всего соблюдать средину.

VI.

Чистѣйшій духъ безсмертенъ. Онъ называется непостижимой матерью (самкой).

Ворота непостижимой матери—называются корнемъ неба и земли.

Онъ (т. е. чистѣйшій духъ) будетъ существовать безъ конца.

Кто хочетъ пользоваться имъ, тотъ не устанетъ.

VII.

Небо и земля вѣчны.

Причина того, что небо и земля вѣчны, заключается въ томъ, что они существуютъ не для самихъ себя.

Вотъ почему они вѣчны.

Святой мужъ заботится о себѣ послѣ другихъ, поэтому онъ легко достигаетъ безопасности.

Онъ оставляетъ свое тѣло безъ всякой заботы, поэтому онъ будетъ жить долго.

Кто не заботится о себѣ, тотъ весьма удачно совершить и свое личное дѣло.

VIII.

Высшая добродѣтель похожа на воду.

Вода, давая всѣмъ существамъ обильную пользу, не сопротивляется ничему.

Она находится на томъ мѣстѣ, котораго люди не видятъ, поэтому она похожа на Тао.

Жить хорошо—для земли; сердце—для глубины; союзъ—для любви; слова—для довѣрія; управленіе—для благоденствія (страны); дѣла—для умѣнія; движеніе—для жизни.

Не ссорящійся не осуждается.

IX.

Чтобы посуда была наполнена чѣмъ-нибудь, нужно держать ее твердо (безъ малѣйшаго движенія) и ровно.

Чтобы лезвее наострилось, нужно долго продолжать натачиваніе.

Когда домъ наполненъ золотомъ и драгоценными камнями, то невозможно сохранить его въ цѣлости.

Кто достигнетъ чести и приобрѣтетъ богатство, тотъ

сдѣлается гордымъ. Онъ легко забудетъ, что существуетъ наказаніе (за преступленіе).

Когда дѣла увѣнчаются блестящимъ успѣхомъ и будетъ приобретено доброе имя, то лучше всего удалиться (въ уединеніе).

Вотъ это-то и есть небесное Тао (или естественное Тао).

X.

Душа имѣетъ единство, поэтому она не дѣлится (на части).

Кто вполне духовенъ, тотъ бываетъ смиренъ, какъ младенецъ.

Кто свободенъ отъ всякаго рода знаній, тотъ никогда не будетъ болѣть.

Кто любитъ народъ и управляетъ имъ, тотъ долженъ быть бездѣтельнымъ.

Кто хочетъ открыть небесныя ворота, тотъ долженъ быть, какъ самка.

Кто дѣлаетъ видъ, что много знаетъ и ко всему способенъ, тотъ ничего не знаетъ и ни къ чему не способенъ.

Кто производитъ (вещь) и постоянно держитъ ее, тотъ ничего не имѣетъ.

Не хвалиться тѣмъ, что сдѣлано, не начальствовать надъ другими, превосходя ихъ, называется небесною добродѣтью.

XI.

Тридцать спицъ соединяются въ одной ступицѣ (колесницы), но если онѣ недостаточны для предназначенной цѣли, то ихъ можно употребить для другой (воза).

Изъ глины дѣлаютъ домашній сосудъ; но если она недостаточна для извѣстной цѣли, то годится для другой.

Связывая рамы и двери, устраиваютъ домъ; но если онъ недостаточны для этого, то изъ нихъ можно дѣлать домашнюю утварь.

Отсюда видно, что если вещь не годна для одной цѣли, то можно употребить ее для другой.

XII.

Пять цвѣтовъ ослѣпляютъ человѣка.

Пять звуковъ оглушаютъ его.

Пять вкусовъ пресыщаютъ его.

Верховая гонка и охота одуряютъ душу (сердце) человѣка.

Стремленіе къ обладанію рѣдкими драгоцѣнностями влечетъ человѣка къ преступленію.

Отсюда святой мужъ дѣлаетъ исключительно внутреннее, а не для глазъ. Поэтому онъ удаляется отъ того и приближается къ этому.

XIII.

Почестъ и позоръ отъ сильныхъ міра (для мудреца) одинаково странны.

Собственное тѣло тяготитъ его, какъ великое бремя.

Что значитъ: почестъ и позоръ отъ сильныхъ міра одинаково странны (для мудреца)?

Почестъ отъ сильныхъ міра — униженіе (для мудреца), поэтому, когда она достанется (ему), то (онъ) относится къ ней, какъ къ совершенно призрачной; когда она потеряется, то также къ ней относится, какъ къ презрѣнной.

Вотъ это-то и есть: къ почести и позору отъ сильныхъ міра относиться какъ къ призрачному.

Что значитъ: собственное тѣло тяготитъ его (мудреца), какъ великое бремя?

Я имѣю потому великую печаль, что имѣю тѣло. Когда я буду лишень тѣла, то не буду имѣть никакой печали.

Поэтому, когда мудрецъ боится управлять вселенной, то ему можно поручить ее; когда онъ сожалеетъ, что управляетъ вселенной, то ему можно отдать ее.

XIV.

Предметъ, на который мы смотримъ, но не видимъ, называется безцвѣтнымъ.

(Звукъ, который) мы слушаемъ, но не слышимъ—беззвучнымъ.

(Предметъ, который) мы хватаемъ, но не можемъ захватить—мельчайшимъ.

Эти три (предмета) неизслѣдимы, поэтому когда они смѣшаются между собой, то соединяются въ одно.

Верхъ не ясенъ, низъ не темень. О, безконечное! Его нельзя назвать именемъ.

Оно существуетъ, но возвращается къ небытію.

Оно называется формою (или видомъ) безформенною.

Оно также называется неопредѣленнымъ.

Встрѣчаясь съ нимъ, не видать лица его, слѣдуя же за нимъ, не видать спины его.

Посредствомъ древняго Тао можно управлять жизнью настоящаго времени.

Изслѣдовать происхожденіе всего (или начало древности) называется нитью Тао.

XV.

Древніе, выдававшіеся надъ толпой, люди хорошо знали мельчайшее, чудесное и непостижимое.

Они глубоки,—постигнуть ихъ невозможно.

Они непостижимы, поэтому внѣшность ихъ была величественная.

О, какъ они медленны, подобно переходящимъ зимой черезъ рѣку!

О, какъ они нерѣшительны, подобно боящимся своихъ сосѣдей!

О, какъ они осанисты, подобно гостящимъ въ чужомъ домѣ!

О, какъ они осторожны, подобно ходящимъ на тающемъ льду!

О, какъ они просты, подобно необдѣланному дереву!

О, какъ они пусты, подобно пустой долинѣ!

О, какъ они мрачны, подобно мутной водѣ!

Кто сумѣетъ остановить ихъ и сдѣлать ясными?

Кто же сумѣетъ успокоить ихъ и продлить ихъ тихую жизнь?

Исполняющій Тао не желаетъ быть наполненнымъ.

✓ Онъ же не удовлетворяется ничѣмъ, поэтому, довольствуясь старымъ и не обновляясь (душою), достигаетъ совершенства.

XVI.

Когда пустота будетъ доведена до послѣдняго предѣла, то будетъ глубочайшій покой.

Всякая вещь растеть, въ чемъ я вижу возвращеніе (или круговоротъ).

Правда, вещи чрезвычайно разнообразны, но всѣ онѣ возвращаются къ своему началу.

Возвращеніе вещей къ своему началу и есть покой.

Покой и есть возвращеніе къ жизни.

Возвращеніе къ жизни и есть постоянство.

Знающій постоянство (или вѣчность)—мудрецъ.

Не знающій постоянства будетъ дѣйствовать по своему произволу, поэтому онъ призываетъ къ себѣ бѣду.

Знающій постоянство имѣетъ всеобъемлющую душу.

Имѣющій всеобъемлющую душу будетъ правосуденъ.

Правосудный будетъ царемъ.

Кто царь, тотъ соединяется съ Небомъ.

Кто соединенъ съ Небомъ, тотъ будетъ подобенъ Тао, которое существуетъ отъ вѣчности.

Тѣло его погибнетъ (умретъ, когда настанетъ время), но (духъ его) никогда не уничтожится.

XVII.

Существуетъ ли высочайшее бытіе, я не знаю; но можно (духомъ) приблизиться къ нему и воздавать ему хвалу, потому—бояться его, а затѣмъ—пренебрегать имъ.

Отъ недостатка вѣры происходитъ невѣріе.

О, какъ медленны слова, произносимыя съ вѣсомъ и со смысломъ!

Когда совершены заслуги и сдѣланы подвиги, то всѣ земледѣльцы скажутъ, что это достигнуто естественнымъ ходомъ вещей.

XVIII.

Когда великое Тао будетъ покинуто, то появится истинная человѣчность и справедливость.

Когда широко будетъ распространена мудрость, то появится великая печаль.

Когда шесть ближайшихъ родственниковъ находятся въ раздорѣ, то является почитаніе родителей и любовь къ дѣтямъ.

Когда въ государствѣ царить усобица, то являются вѣрные слуги.

XIX.

Когда оставлены святость и мудрость, то польза народа увеличится во сто разъ.

Когда оставлены человеколюбіе и справедливость, то дѣти будутъ почитать своихъ родителей, а родители будутъ любить своихъ дѣтей.

Когда покинуты всякаго рода лукавство и выгоды, то воровъ не будетъ.

Одной только внѣшностью достигнуть этихъ трехъ (качествъ) невозможно. Для этого необходимо быть болѣе простымъ и менѣе способнымъ и безстрастнымъ.

XX.

Когда уничтожено будетъ ученіе, то печали не будетъ.

Какъ велика разница между простымъ и сложнымъ!

Какъ велика разница между добромъ и зломъ!

Необходимо бояться того, чего люди боятся.

О, дико! еще далеко до середины.

Многіе держатъ себя важно, словно получаютъ жертвенное мясо, словно весной восходятъ на башню.

О, какъ я простъ! Во мнѣ нѣтъ ничего опредѣленнаго, какъ въ младенцѣ, еще не достигшемъ дѣтства.

Я какъ будто несусь, но не знаю, куда и гдѣ остановлюсь.

Многіе люди богаты, но я ничего не имѣю, какъ будто все потерялъ.

Я простъ, какъ душа глупаго человѣка, но люди свѣта блестятъ.

Я одинъ темень, но люди свѣта просвѣщены.

Я одинъ страдаю душевно; волнуюсь, какъ море; блуждаю и не знаю, гдѣ остановиться.